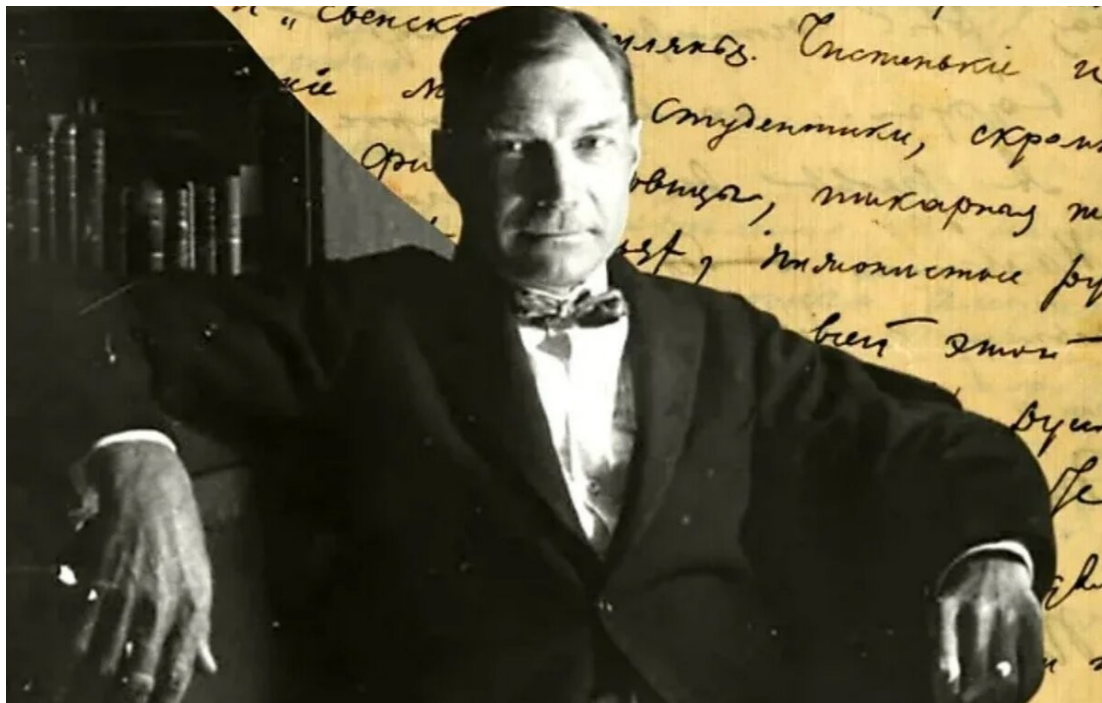

МБУ «Лебедянская централизованная библиотечная система»
Агрономовский филиал

12+

"Творческое наследие Евгения Замятина"

краеведческий час

Агроном, 2024

Творческое наследие Евгения Замятина : краеведческий час / МБУ «Лебедянская ЦБС» ; Агрономовский филиал ; составитель Л. В. Коновалова. - Агроном, 2024. - 9 с. ; ил.

Цель мероприятия: познакомить с жизнью и творчеством писателя.

Участники: старшеклассники

Оформление и оборудование: проектор, экран, ноутбук, портреты Евгения Замятина и иллюстрации к его книгам.

Ход мероприятия:

(Играет приятная музыка)

Библиотекарь-ведущий: Здравствуйте дорогие друзья, сегодня, мы отмечаем замечательную дату – День рождения писателя Евгения Ивановича Замятина.

Евгений Замятин известен как автор одной из первых в мире антиутопий, романа «Мы», о других его произведениях. Вы услышите рассказ о жизни и творчестве писателя-земляка.

Слайд 1.

Евгений Замятин родился 1 февраля 1884 года. Его отцом был православный священник, а мать занималась музыкой. Детские годы он провел в Лебедяни, провинциальном городке Тамбовской губернии. Отучился в лебедянской, а затем воронежской гимназии. «Специальность моя, о которой все знали: „сочинения“ по русскому языку», — писал он в автобиографии. А вот с математикой его отношения не складывались. Тем удивительнее, что Замятин поступил на кораблестроительный факультет Политехнического института Санкт-Петербурга, где как раз требовались знания потехническим наукам. По его словам, он сделал такой выбор

наперекор судьбе.

*(Сообщение учащегося «Лебедянь 1884 – 1896гг.
Детство Е. И. Замятина»)*

В одном из писем к М. Волошину Замятин писал: *«Дорогой Максимилиан Александрович, пишу Вам из России – самой настоящей, с чернозёмом, Доном, соломенными крышами, лаптями, яблоками. И кругом меня сейчас - яблоки. Воздух – как парча – весь расшит запахами яблок разных сортов: пахнет аркадом, шелковкой, малокваской, лимонкой, анисом, боровинкой, грушовкой, китайкой – знаете Вы такие сорта?»*

Лебедянь – город детства, сюда возвращается писатель в самые трудные для него времена, чтобы, глотнув врачующего «парчового» воздуха, собраться с новыми силами и отстаивать свои удивительные «еретические» идеи.

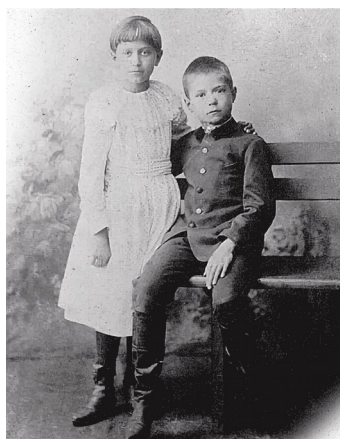
Лето 1883 года. «В густой, чернозёмной Лебедяни, Тамбовской губернии, на заросшей просвирником улице». Покровской (ныне Ситникова 14) поселяется семья священнослужителя Ивана Дмитриевича Замятина. Просторный дом с семью светлыми окнами вместе с приходом в близлежащей Покровской церкви достаётся матери писателя – Марии Александровне – по наследству. Её братья не стали священниками, и к ней, как старшей в семье, переходит дом и приход. О Марии Александровны до нас дошли самые скупые сведения: в девичестве

Платонова, хорошая музыкантша, содержала при доме великолепный сад, яблоки из которого так любил Е.И.Замятин. У Марии Александровны была сестра Варвара Александровна (любимая тётя Е. Замятина), она работала учителем начальных классов в Зелёной школе (г. Лебедянь, ул. К.Маркса). Отец писателя Иван Дмитриевич Замятин (1853 – 1916) получил высшее духовное образование – закончил Тамбовскую духовную семинарию. Он служил старшим священником в Покровской церкви, а через год стал благочинным и служил священником при Лебедянской тюрьме.

Любовь и привязанность к своему дому сохранил он на всю жизнь (биографию 1928, 1931гг) часто вспоминал он «далёкий прозрачный звон в монастыре», слушать который приезжали из Тамбова, Воронежа, Москвы, водовоза Измашку, радостно провожавшего взглядом восьмилетнего Женю, первый раз надевшего форменную гимназическую курточку.

Запомнился Е.И. и красный флаг, который «вывешивался на пожарной каланче (здание городской Думы) и символизировал не социальную революцию, а мороз в 20 градусов.

Слайд 2.

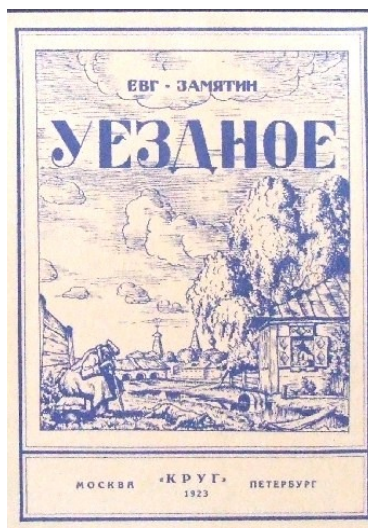
В Лебедяни проходят детские годы будущего писателя, здесь он учился с 1893 по 1896г. во вновь открывшейся мужской прогимназии. Здесь в нравственно – чистой атмосфере семьи, где поклонялись книге, музыке, природе, он вырабатывает иммунитет против пошлости, бездуховности, лакейства, обретёт нравственную бескомпромиссность, нетерпение насилия и обезличивания.

В своей автобиографии Замятин писал: *«Рос под роялем: мать – хорошая музыкантша. Гоголя в четыре уже читал. Детство почти без товарищей: товарищи – книги»*. Увлечение музыкой он сохранил на всю жизнь. Музыка звучала и в самом городе: здесь начинал свою концертную деятельность выдающийся педагог и пианист К.Н. Игумнов. Мы имеем возможность прослушать сейчас редчайшую запись концерта самого К.Н. Игумнова: «Баркарола» из цикла «Времена года» П.И. Чайковского. Это одна из любимых вещей Е.И. Замятина.

Прилежный студент и сын священника вступил во фракцию большевиков. Замятин состоял в боевой дружине, часто выходил на митинги. В 1905 году его арестовали за революционную деятельность. Молодого бунтовщика выслали домой, в Лебедянь, с запретом на жизнь в Петербурге. Но он все равно вернулся, поселился в столице нелегально и даже умудрился окончить институт в 1908 году, не привлекая внимания властей. Вскоре он занялся литературой — написал рассказ под названием «Один». Текст опубликовали в журнале «Образование», но на него никто толком не обратил внимания. Сам автор отзывался о дебюте без снисхождения: *«Когда я встречаюсь сейчас с людьми, которые читали этот рассказ, мне так же неловко, как при встречах с одной моей тетушкой, у которой я, двухлетний, однажды публично промочил платье»*.

Замятин остался на кораблестроительном факультете, где писал научные статьи и преподавал, все еще находясь на нелегальном положении. Только в 1911 году его вновь арестовали и выслали в Лахту, на берег Финского залива. «Высылка, тяжелая болезнь, нервы перетерлись, оборвались», — вспоминал он потом об этом времени. Проблемы со здоровьем, появившиеся во время ссылки, будут преследовать его всю жизнь — из-за хронического колита и стенокардии писателя мучили боли. Два года Замятин провел почти в полном одиночестве и написал текст, который стал его пропуском в литературу, повесть «Уездное». Потом он не без иронии говорил: *«Если я что-нибудь значу в русской литературе, то этим я целиком обязан Петербургскому охранному отделению».*

Слайд 3.

В 1912 году петербургский журнал «Заветы» опубликовал «Уездное». В повести описывалась жизнь провинциального уезда, а главным героем был Анфим Барыба, сын сапожника, «широкий, громоздкий, громыхающий, весь из жестких прямых углов». Отец грозит, что если Анфим не сдаст экзамены в училище, то его выгонят из дома. Провалив самый первый экзамен, сын сам решает не возвращаться. Он живет за счет богатой вдовы, с которой завел отношения, ворует деньги из церкви и устраивается лжесвидетелем у адвоката — оговаривает, кого скажут, в том числе и единственного своего приятеля, портного Тимошу. Постепенно вор и лжесвидетель Анфим становится урядником, воплощением закона в этой глухой провинции. Современники высоко оценили повесть, самого Анфима сравнивали с другими воплощениями грубой полицейской власти вроде Держиморды из «Ревизора» Гоголя. Молодого писателя хвалили Михаил Пришвин, Максим Горький и Алексей Ремизов. Последнего даже посчитали

настоящим автором «Уездного» — Федор Сологуб спросил Ремизова, зачем тот взял себе псевдоним Замятин. Он не поверил, что никому не известный новичок мог написать такой талантливый текст. Сам же автор «Уездного» сопротивлялся сравнениям и отстаивал свою творческую независимость, в сопоставлении с другими писателями он видел признак слабости и вторичности.

Слайд 4. Следующая повесть «На куличках» закрепила славу Замятина. Писатель критиковал власти за вступление в Первую мировую и придумал сюжет о деградации русской армии. В повести он рассказал о жизни позабытого всеми гарнизона на Дальнем Востоке, офицеры и рядовые, которого от безделья сходят с ума. Генерал проводит дни на кухне и раздает пощечины солдатам, капитан гоняется за тараканами и прокалывает их иглой, а офицерский хор раз за разом поет «у попа была собака».

«Была у Тихменя болезнь такая: думать. А по здешним местам — очень это нехорошая болезнь. Уж блаже водку глушить перед зеркалом, блаже в карты денно и ночью резаться, только не это».

Читатели увидели в повести еще один портрет России, а цензура — антивоенный памфлет. Петербургский окружной суд постановил, что текст Замятина «по содержанию своему представляется явно противным нравственности» и сослал писателя в город Кемь Архангельской губернии. Под впечатлением от этой ссылки Замятин сочинил третью, еще более мрачную и гротескную повесть «Алатырь». Горький высоко оценил её и сравнил с собственным произведением «Городок Окуров». Похвалу Горького дополнил критик Иванов-Разумник: *«Алатырь — жутко реален, Окуров — красочно натуралистичен... Алатырь страшнее, он внутри нас».*

По сюжету в городе Алатырь Глафира, дочь градоначальника, грезит о женихах. Её отец Иван Макарыч просиживает дни в кабинете и хочет изобрести что-то невиданное вроде рецепта хлеба с голубиным пометом вместо дрожжей. Протопоп беседует с чертями, а его дочь Варвара тоже прикидывает, как ей поудачнее вступить в брак. Служащий почты Костя томится от любви к Глафире. Размеренную жизнь Алатыри нарушает неожиданный приезд князя, который становится новым городским почтмейстером. Местные девушки оживляются и соревнуются в том, кто сможет выйти за него замуж. Сам князь больше увлечен универсальным языком эсперанто, чем выбором невест. Он думает, что если все начнут говорить на эсперанто и прекрасно понимать друг друга, то в мире больше не будет войны. Мечты алатырцев разбиваются о реальность: Глафира и Варвара дерутся из-за князя, Костя терпит крах в любовных делах, даже эсперанто не приносит мир и всеобщее счастье.

Многие читатели замечали контраст между формой повестей и их содержанием. Писатель Павел Крусанов утверждал, что в этих повестях «богатство языка автора цветет на фоне стойкого депрессивного мироощущения и холодного отстранения от реальности».

Замятин был одним из главных экспертов по кораблестроению в России на тот момент. Поэтому его отправили в Англию с ответственным поручением — писатель должен был наблюдать за строительством ледокола «Святой Александр Невский». Командировка длилась полтора года. За это время он в совершенстве выучил английский, перенял британскую манеру одеваться и вести себя.

В Англии он пишет повесть «**Островитяне**» и рассказ «**Ловец человеков**», посвященные жизни в Англии, были такими же желчными и едкими, как и его произведения о России. От русских типажей Замятин обратился к чопорным англичанам, которые, будто заводные куклы, работают и живут по установленному распорядку. У героя «Островитян» викария Дьюли есть расписание для приема пищи, дней покаяния, пользования свежим воздухом, занятий благотворительностью и прочего. Он мечтает, что общество превратится в отлаженный механизм и все люди станут подобны машинам. Даже любовь должна быть подчинена расписанию. Эти идеи викарий проповедует жителям города Джесмонд и вмешивается в их жизнь, чтобы навязать свои правила. Многие поддерживают его, и только адвокат О'Келли, актриса Диди и обедневший аристократ Кембл решаются на бунт против «математически верного счастья».

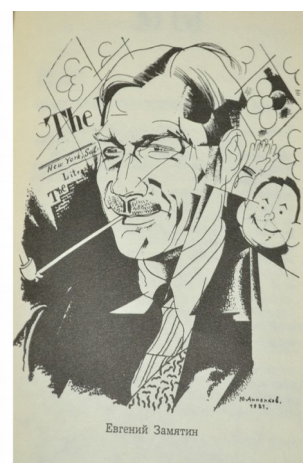
Замятин вернулся в Россию в сентябре 1917 года. Он сожалел, что не застал Февральскую революцию и увидел только Октябрьскую:

«Это все равно, что никогда не знать влюбленности и однажды утром проснуться женатым, уже лет так десять».

Слайд 5

Писатель стал посещать литературные вечера Горького, где впервые прочитал на публике «Островитян». По воспоминаниям Виктора Шкловского, слушатели были в восторге. Особенно повесть понравилась Корнею Чуковскому, который метался по комнате и восклицал: «Новый Гоголь явился!»

Из Англии писатель вернулся с изысканным гардеробом и обновленным литературным стилем. Историк русской литературы Дмитрий Святополк-Мирский так описывал его технику письма: *«Замятин отрывается от русской провинциальной почвы и ремизовского словаря и постепенно развивает собственную манеру, основанную на подчеркивании, при помощи сложной*

системы метафор и сравнений, выразительной ценности и многозначительной детали». Уже признанный и состоявшийся писатель, Замятин открыл в петроградском «Доме искусств» класс художественной прозы. Его студентами были будущие звезды советской литературы Михаил Зощенко, Вениамин Каверин, Константин Федин и другие. На своих лекциях он разбирал жанр малой прозы именно с позиции писателя — он не давал советов, но помогал понять, как устроены литературные произведения изнутри. Говорил о принципах построения сюжета и фабулы, выработке стиля и языка, роли детали и характера в короткой прозе. Фактически Замятин создал первый в СССР и России курс писательского мастерства. Но такое положение дел устраивало не всех.

Слайд 6.

Замятин считал, что работает в русле синтетизма. Так он называл направление искусства, способное гармонично сочетать науку и творчество, быт и фантастику, читателя и писателя.

Как раз за недостаток органичности писателя и критиковали. Журналист Константин Федин называл его «гроссмейстером литературы» и упрекал в том, что «инженерия его вещей просвечивалась сквозь замысел». По словам Павла Крусанова, в Замятине «конструктор и писатель сплелись воедино», а в его художественное мышление вошли «математика, умные числа, геометрическая безупречность». Поэтому он конструировал тексты как корабли, «чертил пейзажи и рассчитывал траектории движения персонажей по пространству повествования».

Для русской литературы, всегда ценившей глубокий психологизм, стихийный порыв и душевность, это было своего рода ересью. А Замятину нравилось быть еретиком и экспериментатором, который ставит под сомнение сложившийся канон. В полной мере это заметно в рассказах и сказках, которые он писал после революции.

Писатель также часто пользовался пародиями: рассказ «О том, как исцелен был инок Еразм» подражал языку житий святых, «Мученики науки» — жизнеописанию ученого, а «Слово предоставляется товарищу Чурьгину» пародировал ораторское выступление.

Слайд 7. Замятин осуждал террор, призывал прекратить Гражданскую войну — его произведения того времени полны скепсиса и разочарования в революции.

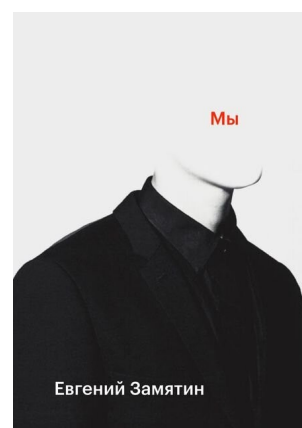
Особенно едкими выглядят **сказки о Фите**. В них автор издевался над теми простыми решениями, которые предлагали большевики для сложных проблем. Сам образ Фиты, странного существа, которое завелось «самопроизвольно в подполье полицейского правления», можно считать первой литературной пародией на Владимира Ленина. Оно отменяет голод и болезни декретами, сносит собор ради прокладки дороги, заставляет всех граждан ходить строем, жить в казармах и носить одинаковые мундиры с номерами. «Указом Фита отменил холеру. Жители водили хороводы и благоденствовали»

Писатель и критик Юрий Тынянов считал, что «стиль Замятина толкнул его на фантастику». Обыденную вещь или образ он мог написать так, что они были готовы «куда-то сдвинуться, подняться в какое-то четвертое измерение». С Тыняновым не соглашался Горький, который настаивал, что наука, фантастика и философия чужды Замятину. Якобы они заставляли его повернуть свое творчество в неправильную сторону.

Эти оценки хорошо подчеркивают то положение, которое занял роман «Мы». С одной стороны, эта книга стала естественным продолжением предыдущих работ писателя. В ней повторялись и развивались сюжетные элементы «Островитян» и сказок о Фите. С другой — текст был написан намеренно научным и безжизненным языком, необходимым для изображения далекого будущего. Такой эксперимент не все смогли принять, к примеру, Чуковский говорил, что роман ему ненавистен. В 1920 году мало кто осознал, что родился новый жанр — антиутопия.

Слайд 8.

События «Мы» разворачиваются в XXVI веке. На Земле построено Единое Государство, в котором все равны. У людей вместо имен буквы и номера, они одеты в одинаковую форму, по расписанию просыпаются и принимают пищу, сделанную из нефти. Вся жизнь граждан находится под контролем, включая чувства. Для личной свободы места нет. Правит здесь всесильный Благодетель, единственный кандидат и победитель на всех выборах. Главный герой романа Д-503 строит космический корабль «Интеграл», который поможет Единому Государству выйти за пределы планеты. Однако случается нечто выбивающееся из расписанного порядка вещей — Д-503 влюбляется в I-330, одну из участниц движения сопротивления, стремящегося разрушить мир всеобщего контроля.

В «Уездном» и других ранних текстах Замятин предстал мастером сказа. В «Островитянах» и рассказах 1917–1920 годов экспериментировал с синтаксисом, чтобы преобразить строй речи. В «Мы» ему удалось изобрести язык будущего, на котором действительно мог думать и писать житель Единого Государства. Писатель выработал сухой и лаконичный стиль, сделал метафоры подчеркнуто рациональными.

Замятин честно пытался опубликовать роман на родине. Книгу не хотели печатать, поскольку видели в ней сатиру на СССР. Хотя автор прямо говорил, что высмеивал в книге увлечение техническим прогрессом, а не коммунизм.

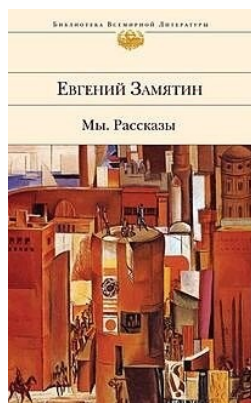
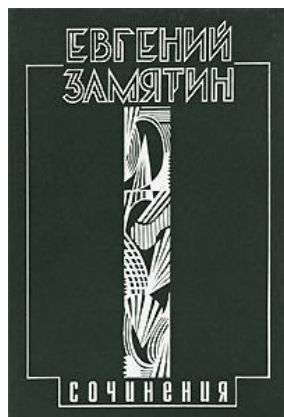
В 1924 году «Мы» без согласия автора перевели на английский и издали в Нью-Йорке. Через три года вышло издание на чешском. Замятина и его книгу начали критиковать в советской прессе, но не слишком активно. Катастрофа случилась только в 1929 году, когда вместе с ним под удар попал Борис Пильняк. Его повесть «Красное дерево» тоже опубликовали за границей. Тогда критика обоих писателей переросла в настоящую травлю.

К 1931 году Замятина выдавили из литературного процесса. Его рассказы и повести не публиковали, а пьесы снимали со сцены. В отчаянии он написал лично Сталину и попросил разрешить ему выезд за границу. Автор обещал, что в эмиграции не станет участвовать в политике. Даже надеялся, что в будущем сможет вернуться в СССР, «как только у нас станет возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям».

Сталин разрешил отъезд благодаря вмешательству Горького. Замятин стал последним, кому досталась эта милость. Когда позже Булгаков и сам Горький обратились к Сталину с такой же просьбой, их не отпустили. С 1932 года Замятин

жил в Париже. При этом формально он не был эмигрантом, ему регулярно продлевали советский паспорт и с радостью принимали в посольстве СССР. Французский период в жизни Замятина часто называют кризисным, что не совсем, верно. Уже после «Мы» писатель немного охладел к прозе и занялся драматургией.

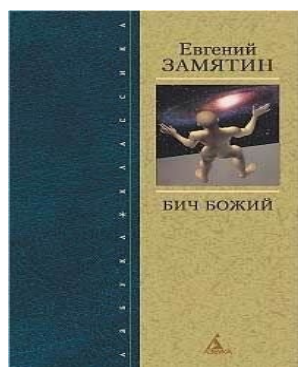
Слайд 9.

С особым успехом во МХАТе шла его пьеса «Блоха», написанная по мотивам «Левши» Лескова. Кроме того, Замятин стал соавтором либретто первой оперы Дмитрия Шостаковича «Нос», основанной на повести Гоголя. А Сергей Прокофьев планировал сочинить оперу по его трагедии в стихах «Атилла» (Замятин писал имя вождя гуннов так, вместо общепринятого варианта Атилы).

Во Франции Замятин зарабатывал на жизнь статьями о литературе и сценариями для кино. Адаптировал «Войну и мир», «Нос» и «Пиковую даму» для голливудских экранизаций. Работал над сценариями по роману «Мы» и повести «На куличках». Главным его успехом тех лет стала адаптация «На дне» Горького. Фильм по этому сценарию был признан лучшим во Франции в 1936 году.

Слайд 10.

В перерывах между работой для кино и французских газет Замятин продолжал трудиться над романом **«Бич Божий»**, наработки для которого легли в основу трагедии «Атилла». Первые наброски он сделал еще в СССР в 1924–1925 годах. В сумме Замятин отдал этой книге 12 лет жизни. По оценкам исследователей, роман должен был стать вершиной его творчества, но писатель вскоре умер. Он успел закончить только первую часть, которая рассказывала о детстве Атиллы.

Будущий вождь гуннов растет без матери, умершей во время родов. Атиллу воспитывает суровый отец, который отправляет мальчика в Рим. Вместе с представителями других народов, подвластных империи, он становится гостем императора Гонория. Его обучают лучшие учителя, он ест вкуснейшую еду и видит все величие Рима. Но каменный город кажется ему тюрьмой, а внешняя роскошь только подчеркивает духовную немощ римлян. Атилле удастся сбежать из этой золотой клетки. Он возвращается на родину повзрослевшим и готовым завоевать Рим. Дальнейшую судьбу Атиллы Замятин описать не успел.

(Звучат доклады участников краеведческого часа на темы: "Древо семьи Замятиных", "Замятин и Лебедянь", "Современники о Замятине", "Дом-музей Замятина")

Библиотекарь-ведущий: Писатель умер от сердечного приступа в Париже 10 марта 1937 года. На похоронах присутствовал Владимир Набоков, который в письме жене Вере жаловался, что «очень мало было народу».

Слайд 11.

В 2009 году к 125-летию со дня рождения Е. И. Замятина в Лебедяни был открыт **дом-музей** писателю. Расположен музей в доме деда писателя по материнской линии – священника Александра Платонова. Автор романа-антиутопии «МЫ» провел здесь свое детство и юность. Дом был восстановлен таким, каким он был при жизни автора. Реконструкцию проводили по

воспоминаниям прозаика, которые запечатлены в его переписке с родными. В музее представлена экспозиция, посвященная жизни и творчеству Замятина, семейные реликвии и предметы быта.

(Звучит стихотворение лебедянского поэта Владимира Башарина, посвящённое памяти Евгения Ивановича Замятина).

Заключительное слово: Я очень надеюсь, что наша сегодняшняя встреча помогла вам узнать много нового и интересного для себя! Всего вам самого наилучшего друзья! До новых встреч!

(Играет приятная музыка)

Использованная литература

Замятин, Е. И. Мы: романы, повести, рассказы, сказки / Е. И. Замятин ; составитель, автор вступ. статьи И. О. Шайтанов. - М. : Современник, 1989. - 50 с.; портр.

Замятина, Н. С. Род Замятиных и Липецкий край / Н. С. Замятина. - 2 изд. - Липецк, 2010. - 114 с. ; ил. - (к 125-летию со дня рождения Е. И. Замятина).

Русские писателя : биобиблиографический словарь в 2-х частях. Ч. 1. А — Л / под редакцией П. А. Николаева. - М. : Просвещение, 1990. - 443 с.